

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ
повесть и два рассказа

Евгений Валерьевич Гришковец

Боль (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696945

Боль. Повесть и рассказы: Махаон, Азбука-Аттикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-07576-4

Аннотация

Книга «Боль» состоит из трёх отдельных произведений: из повести «Непойманный» и двух рассказов. Или, я бы уточнил, двух новелл. Эти три отдельных произведения не имеют между собой непосредственной связи. Но тем не менее я ощущаю сборник «Боль» как цельное произведение, как художественный цикл, в котором Боль, как состояние душевное, так и физическое, становится некой призмой, через которую человек смотрит на мир, на жизнь особым образом – так, как он прежде не смотрел. Боль как способ восприятия мира – не ужасный, не страшный – просто, как один из способов восприятия мира.

Над сборником я работал долго. Читатель давно не видел моей новой прозы. Книга «Боль» это результат кропотливой работы и, определённо, шаг в том художественном направлении, в которое я ещё не шагал.

Содержание

Непойманный	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Евгений Гришковец

Боль (сборник)

© Евгений Гришковец, 2014

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Непойманный

Повесть

– Да не считаю я твои деньги, успокойся! Если бы я их считал, то уже давно либо свихнулся, либо убил тебя и ограбил. Боря, друг мой, я же совсем про другое... Хотя, чего я распинаюсь опять?! Ты же услышишь только то, что хочешь, – сказал Вадим и махнул рукой.

Он махнул рукой в сторону и почувствовал, что его слегка качнуло туда же. «Э-э-э, брат! Да ты опять напился. А ведь не собирался. Совсем наоборот...» – подумал он и кисло усмехнулся сам себе. Вадим понял в этот момент, что поговорить о том, ради чего он добивался встречи со своим стариннейшим другом Борисом, ради чего отложил другие дела, ехал далеко за город и ради чего всё-таки выпил коньяку, хотя категорически этого делать не хотел, уже не получится. Совсем не получится.

Вадим ехал к Боре на такси и заклинал себя ни в коем случае не пить. Не пить, какие бы Боря ни нашёл причины, чем бы ни соблазнял, на какие бы чувствительные и болезненные точки ни давил. Нужно было обязательно поговорить, добиться результата и уехать. Или, в крайнем случае, выпить после разговора, когда всё будет уже решено. Вадим настраивал себя на это, готовясь к Бориному натиску.

Боре трудно было противостоять, когда он хотел не только выпить, но и непременно выпить не один. Боря был мастер самых разных уловок и прихватов, после которых не выпить, казалось, было невозможно, не нанеся Боре смертельной обиды. Вадим изучил все Борины уловки за долгие годы, но у того всегда находились новые.

А ещё Вадим прекрасно знал, что если он с Борей выпьет с глазу на глаз, то непременно и обязательно заспорит с ним на любую, неведомо каким образом и откуда подвернувшуюся тему, разнервничается, заведётся. А Боря в долгу не останется. И кончится такой разговор криком и бранью, посыланием друг друга в самые дальние пределы и клятвами друг другу, а потом клятвами самим себе больше никогда не встречаться, не разговаривать и закончить наконец эту сильно затянувшуюся с ранней молодости дружбу.

Сколько лет они дружили, столько и ругались, если выпивали без свидетелей и компании. А тут Вадиму необходимо было поговорить без свидетелей. Поговорить правильно и деликатно. Деликатно, потому что поговорить нужно было о деньгах. И ещё потому, что у Бори деньги были, и много. Очень много! Давно. А у Вадима они то были, то не были. А в этот раз у него их не было вовсе. Их отчаянно, абсолютно, ужасно не было. И они так же отчаянно и ужасно были необходимы.

Вадим приехал к Боре, чтобы попросить немаленькую сумму, которая ему нужна была позарез. Деликатность же

ситуации усугублялась тем, что Вадим уже однажды брал у Бори деньги в долг и отдал с большим трудом. К тому же с годами и с невероятным ростом цифр, которыми определялось Борино состояние, Боря всё более и более чувствительно реагировал на любые просьбы и даже разговоры, связанные с деньгами. Вадим надеялся вообще не обращаться по этому вопросу к Боре или обратиться к нему в самую последнюю очередь. Вот она и настала, эта очередь. Вадим вынужден был поехать к Боре, но разговор не получился.

Точнее сказать, разговор получился не таким, в котором или в результате которого можно было попросить денег в долг.

Вадим сразу попал на чаепитие с коньяком на веранде Бориного большого дома. Это насторожило и огорчило Вадима. Он внятно просил Борю о коротком разговоре с глазу на глаз. А тут, приехав, он увидел уже слегка выпившего Борю, чай, коньяк и Борину жену за столом. А он при Ольге ни о чём не готов был просить Борю. Он ни при ком не смог бы просить Борю, тем более просить денег.

К Ольге Вадим всегда относился прохладно: и в молодости, и теперь, когда она превратилась в сорокапятилетнюю, давно привыкшую к крупным бриллиантам женщину, последние годы живущую какой-то параллельной своему мужу жизнью. Вадим помнил её молодой, весёлой, времён студенчества. Помнил, какой она была яркой и недоступной, помнил, как Боря был ею сильно увлечён, а потом страшно в неё

влюблён. Вадим отлично помнил, как она позволила Боре на ней жениться и как всеми способами пыталась затолкать его под каблук. У неё это вначале получалось. Получалось до тех пор, пока к Боре не пришли сначала деньги, а потом большие деньги. Вадим не мог забыть Ольгины барские замашки после того, как Боря заработал свою первую шестизначную сумму. Затем барские замашки сменились горькими обидами на мужа, скандалами и почти разводом. Оля пыталась любыми способами вернуть своё господство, в том числе и рождением сына Мити. Но это не помогло. Митя долго был аргументом, а порой и оружием в Олиных руках в её борьбе с мужем за прежний свой статус. Оля то отчаянно веселилась, демонстрировала свою независимость, пила неделями, доводила маленького своего сына чуть ли не до нервного истощения, то кидалась в столь же отчаянную заботу о нём и демонстративно рачительное ведение домашнего хозяйства. Когда у них появился большой дом, Оля даже выращивала цветы и занималась садом. Вадим знал Ольгу разной и помнил, как неожиданно, лет пять-шесть назад, она вдруг увлеклась йогой или чем-то подобным, занялась своей внешностью, зачастила в церковь и именно что затихла, отстранилась от воспитания и даже от внимания к почти взрослому своему ребёнку, отстранилась от мужа и его активной жизни и удалилась куда-то в собственные чертоги их большого дома. Там она зажила так, как Борю устраивало, то есть параллельно.

Ольга посидела с ними недолго, посидела непонятно для

чего, выпила немного чая, который заварила себе отдельно в диковинном чайнике, и удалилась в дом. Но, как только Вадим собрался приступить к разговору, ради которого приехал, Боря предложил выпить коньяку и, не спрашивая, налил и себе, и Вадиму.

Вадим, чтобы не тратить много времени, выпил, но тут к Боре приехали двое. Приехали явно по делу, и было видно, что им было назначено. Приехавшие с удивлением и недовольством посмотрели на Вадима, потому что наверняка тоже хотели что-то важное обсудить с Борей. Но присутствие постороннего не позволило им начать деловой разговор.

Боря представил им Вадима как лучшего друга юности, а их представил ему как своих коллег из Москвы. Коллеги сели за стол, им были налиты и чай, и коньяк. Пошёл бессмысленный и вялый разговор. Коллеги посматривали на Вадима вежливо, но общаться с ним не стали совсем. Так длилось довольно долго, потом оба приехавших стали посматривать на часы, и один не смог справиться с зевотой. Вадим ощущал себя неуместным. Он ёрзал на стуле и чувствовал, как уходит время и возможность для важного разговора и просьбы. Вадим чувствовал себя в этой ситуации униженно. Он понял, что Боря, скорее всего, забыл о том, что назначил ему встречу, или, когда договаривался с ним, забыл, что назначил встречу другим. Вадима всегда оскорбляли Борины барские замашки и невнимательное отношение как к нему, так и к остальным.

Из-за всего этого Вадим взял да и выпил коньяку. Хотя делать этого, когда ехал к Боре, не собирался. Коллеги же пить коньяк не стали, посидели, посверлили Вадима глазами, поговорили ни о чём с Борей и сообщили, что откладываются. Боря условился с ними о встрече на завтра, все попрощались, Вадиму достались вялые рукопожатия, и они снова остались с Борей с глазу на глаз.

Но только это случилось, как неожиданно для Вадима из глубин дома появился и подошёл к столу Митя, Борин сын.

Вадим почти год не видел Митю. Он удивился и обрадовался ему. Митя тоже обрадовался. Они даже крепко обнялись и расцеловались. Митя год назад поступил в университет в Лондоне и, видимо, приехал на летние каникулы. Он приезжал с учёбы и зимой, но Вадим его тогда не видел. Не повстречал.

Вадим знал Митю с рождения. Вадим был среди тех весёлых и пьяных Бориных друзей, которые вместе с Борей забирали новорождённого Митю из роддома. Вадим чуть ли не первым взял Митю на руки, когда его вынесли и сначала отдали отцу: Вадим был вторым. Он был серьёзно уязвлён, когда Ольга и Боря предложили стать для Мити крёстным отцом не ему. Он видел и знал Митю во всех возрастах и любил его.

Своего сына Вадим знал мало и практически не имел с ним контакта. Вадим очень рано и отчаянно глупо женился. Брак продержался недолго, совсем недолго. Вскоре по-

сле свадьбы родился Костя. Но его рождение не произвело должного впечатления на Вадима, он не захотел да и не умел изменить образ жизни из-за рождения ребёнка. Вот брак и распался. В самом браке и в его быстром крушении, в этом Вадим был убеждён, виноват был только рок-н-ролл.

Вадим играл на бас-гитаре в школьной, а потом студенческой, а потом почти профессиональной рок-группе. Он играл на басы и писал все тексты для той самой группы. Некоторые его стихи по несколько месяцев, а то и дольше знала в те незапамятные годы практически вся страна. А точнее, знали люди во всей стране, которые любили рок-н-ролл, блюз и весьма запутанные, полные символов, с едва уловимым смыслом, а то и бессмысленные тексты.

Вадим не мог и не хотел расставаться с музыкальным образом жизни, с редкими, но бурными и насыщенными разными событиями поездками на фестивали и концерты. Он и не думал отказываться от дивного звона в голове, от дыма марихуаны, и от разноградусного и разноцветного алкоголя без ограничений. Брак его рухнул и исчез незаметно и безболезненно для него. А когда Вадим слегка опомнился, у его сына Кости был уже другой отец, другая фамилия, да ещё и в другом городе.

Рок, блюз и широкая известность в узких кругах закончились для Вадима на сцене ресторана. Однако для того, чтобы играть в ресторане, нужны были серьёзные навыки. Нужно было действительно хорошо играть на инструменте и совсем

не песни собственного сочинения. Нужно было научиться исполнять те песни, которые любят посетители ресторана. А у Вадима это получалось с трудом и не очень. В итоге группа, в которой играл Вадим, решила сэкономить на бас-гитаре, а главное – на бас-гитаристе, заменив его электроникой. Так Вадим перестал выступать, перестал писать стихи и стал сначала директором группы, в которой играл, а потом и директором ресторана, в котором эта группа, в основном, работала. Потом он стал владельцем того ресторана. Женился второй раз. Потом купил ещё ресторан, и ещё. Но это потом.

А во времена рока и блюза Вадим был звездой в городе. Боря гордился дружбой с ним. Да что там гордился! Боря пользовался этой дружбой. Вадим был вхож и желаем в любых городских заведениях и обществах. Он мог познакомиться и познакомить с любыми барышнями и почти со всеми полезными людьми. Боря всеми этими возможностями воспользовался в полной мере. А в какой-то момент – раз – и сам стал одним из самых полезных людей города.

Проще говоря, Вадим знал Борю давно, а Митю знал всю Митину жизнь. И всё это время Вадиму казалось, что Боря воспитывает сына неправильно. Вадим видел то припадки заботы и любви с потаканием всему, чему можно и нельзя потакать... То эти припадки нежности сменялись строгостью и контролем. Вадим даже удивлялся, что в периоды строгости Боря в своих сумасшедших буднях находил время заниматься с сыном школьными уроками и решать с ним задачи

по алгебре. Он то не отпускал от себя Митю и таскал его и на охоту, и на скучные для мальчишки курорты, то будто забывал о нём и отправлял одного на целое лето в какую-нибудь заграничную летнюю школу для изучения иностранных языков. Когда Мите исполнилось четырнадцать лет от роду, а Боря уже был одним из самых богатых людей в городе, он взял да и отослал сына на целый год в частную школу в Швейцарии.

Зачем Боря это сделал, Вадим не очень понял. Боря же говорил, что там сыну безопасно, рассуждал о чистом швейцарском воздухе, о чудесах тамошнего образования, о том, что хочет, чтобы сын пошёл дальше отца и стал настоящим европейцем.

Митя к своим четырнадцати был уже здорово издёрган и отцовскими перепадами в отношении к нему, и материнскими демаршами, и постоянной грызнёй или холодной войной, царившей в доме между родителями. Митя рос умным, чувствительным и довольно нервным парнем. Он часто проявлял если не характер, то упрямство, пытаясь противостоять и продемонстрировать упрямство даже отцу. Это всегда заканчивалось плохо. Боре нельзя было такое демонстрировать и тем более противостоять.

Митя сложный получился парень к своим четырнадцати. Но Вадим любил его. Митя тянулся к музыке сызмальства. Он хотел играть на чём-нибудь. Вадим убедил отдать его в музыкальную школу. Митя учился сначала с удовольствием,

потом, когда стало труднее, уже не с таким удовольствием. Боря не был в восторге от музыкальных занятий сына и в конце концов отдал Митю на плавание. Так что музыка закончилась для Мити раз и навсегда по воле отца, а спорт не пошёл. И к четырнадцати годам всякие внятные увлечения для Мити исчезли.

Когда Митя бывал в гостях у Вадима, а такое случалось, он просил дать ему поиграть на бас-гитаре или на чём-нибудь другом. У Вадима тогда дома были разные инструменты. Митя хотел и гитару, и барабаны. Но Боря не покупал ему этих символов рок-н-ролла, а Вадиму жёстко запретил дарить сыну что-то подобное.

Митя был всегда нежен с дочерьми Вадима, которые были сильно его младше. Вадим часто спорил с Борей по поводу Мити, ругался, но никак не мог хотя бы достучаться до Бориного отцовского понимания. Вадиму всегда казалось, что у него этого понимания больше и его понимание лучше, чем у Бори. Вадим был уверен, что своих двух дочерей он, хоть и не очень внимательно, но воспитывает хорошо, и если бы у него была возможность воспитывать сына, то у него и это бы получилось.

Из швейцарской школы Митя вернулся очень изменившимся. Он сильно вытянулся и стал угловатым. Из мальчика и ребёнка он превратился в юношу. Юношу весьма отстранённого. Боря сильно возмущался этому отстранению. Ещё он возмущался тем, что заплатил большие деньги, а сын

за год научился только бегло говорить на плохом немецком языке, но читать на нём хоть сколько-нибудь серьёзные тексты не научился. При этом Митя не то чтобы разучился, а как-то расхотел писать, читать и глубоко думать на родном языке.

Боря решил сына обратно не отправлять, а, наоборот, вернуть его к уму и разуму на родной земле. Митя же за год привык к другой жизни и другому миру. Он совсем не хотел домашней нервотрёпки. Он явно отвык от разговоров на повышенных тонах и тем более от крика. Отвык от строгостей, да и от роскоши отвык. Он хотел обратно, но его не пустили.

Вадим знал от Бори, что Мите трудно далось возвращение в прежнюю школу в родном городе. Отправляя сына учиться в Швейцарию, Боря хвалил зарубежное образование, точно так же год спустя он его ругал. Возмущался, что там от детей ничего не требуют, домашних заданий не задают, а только развлекают детей да цацкаются с ними.

Спустя же несколько лет, когда Мите исполнилось восемнадцать, Боря взял и отправил единственного сына снова за границу, в Лондон, в университет. Хотел этого Митя, который прижился на Родине и очень неплохо кончил школу, или не хотел, было неясно, а Боре, видимо, не очень важно.

Однако Боря любил Митю. Сильно. Своих чувств он старался прилюдно не показывать, но Вадим знал эту любовь. Она проявлялась во многих ситуациях. А ещё Вадим не раз видел, как Боря смотрит на сына. Только Боря, очевидно, не

знал, что с этой любовью делать.

Последний год Боря часто летал в Лондон проверить своего студента. Сначала он воодушевлённо рассказывал про старинное, сугубо английское здание университета, про университетский дворик, коридоры, аудитории, библиотеку и про порядки, царящие в этом классическом учебном заведении.

Он говорил про Митин университет с восторгом.

Но постепенно Боря стал меньше и меньше рассказывать об учёбе сына, потом говорил на эту тему только когда спрашивали, а вскоре перестал даже отвечать на вопросы про Лондон и университет. Стало видно, что тема Митино студентства Борю огорчает и раздражает.

Вадим не видел Митю почти год. За это время Митя сильно похудел. Это первое, что сразу бросилось в глаза. Митино лицо осунулось и заострилось. Вадиму не понравилась эта худоба. В этой худобе было что-то нездоровое, измождённое.

Вадим помнил Митю до отъезда. Помнил отлично. Митя хорошо учился последний год школы, но чудил и доставлял много хлопот отцу. Пару раз он тайком ночью брал отцовскую машину и разъезжал на ней невесть с кем и невесть где. Всё это кончилось нехорошо, а могло кончиться ужасно. Боре удалось замять возникшие неприятности. Сам он наказал сына неизвестно как, но очень строго. Боря страдал тогда, а Митя не унимался. В тот же год, будучи школьником, он завёл роман с девицей много старше его. Впоследствии выяснилось, что девица вовсе даже замужем. Боре пришлось и

эту некрасивую ситуацию как-то устаканивать. Митю не раз привозили домой пьяным, или Боре самому приходилось его пьяным же забирать из совсем неподходящих мест.

А Вадим давно владел любимым в городе всеми близкими ему по возрасту и духу людьми клубом. В этом клубе царили блюз и рок-н-ролл. И клуб этот был открыт всем, кто любит подобную музыку. Вадим много раз сигнализировал Боре, что Митя приходил в его клуб в подпитии и не с теми людьми, с которыми пристало общаться Бориному сыну. Несколько раз Вадим видел в глазах Мити совсем не алкоголь. Но Митя никогда не вёл себя агрессивно, вызывая или по-хамски. Он никогда не выглядел даже сердитым. Он ни разу не позволил себе козырять именем отца. А этим именем в городе можно было сильно козырнуть.

Митя был издёрганный, запутавшийся, растерянный, в чём-то избалованный, а в чём-то – зажатый и забитый, но добрый и умный мальчик. До отъезда в Лондон у него было юношеское, часто румяное лицо. А тут, спустя меньше чем год, Вадим увидел вовсе не юный взгляд и совсем не юношеское выражение на похудевшем, а точнее, осунувшемся лице Мити.

Вадим не видел Митю давно и от неожиданной радости даже на время забыл о цели своей встречи с Борей. Митя тоже обрадовался, заулыбался, налил себе чаю, но очень быстро его заострившееся лицо приняло какое-то отстранённое выражение, а глаза хоть и не останавливались и совершали

резкие движения, всё же ни на что конкретное не наводились. Этот взгляд и это выражение лица встревожили Вадима, и радость встречи тут же улетучилась.

Боря тоже как-то напрягся с появлением Мити. Он снова налил коньяку себе и Вадиму, ничего не сказав сыну. Вадим до этого пытался ограничивать Борю, прикрывал бокал рукой, а в этот раз он взял бокал, не отказываясь, не отнекиваясь и ни на что не ссылаясь. Он почувствовал, что что-то тяжёлое появилось за столом. То тяжёлое, что царит в Борином большом доме, и то, что из этого дома стараются не выпускать.

– Боря, дружище! Давай выпьем за нашего студизуса! – словно ничего не ощутив и не заметив, сказал Вадим. – Пусть дрогнет и не устоит перед ним вся хвалёная английская...

Боря, не дослушав, быстро выдвинул вперёд руку с бокалом, громко стукнул им о бокал в руке Вадима, так же быстро поднёс его ко рту, опрокинул и, одним глотком отпив добрую половину, резко поставил на стол, как бы сказав, что продолжения тоста и темы Митиногo студенчества он не желает категорически.

Вадим от неожиданности замер, и тост застрял у него в горле. Зависла секундная пауза. Но Митя вдруг с безучастной улыбкой поднял свою чашку с чаем, чокнулся с Вадимом и сделал глоток. Тогда и Вадим выдохнул воздух недосказанного тоста и выпил свой коньяк до дна. Благо в этот момент

Боре кто-то позвонил, он беззвучно выругался, с недовольным видом ответил на звонок, встал из-за стола и отошёл подальше для разговора.

Чтобы разрядить вдруг сгустившуюся атмосферу, Вадим поболтал с Митей о том о сём. Митя отвечал, но равнодушно. Вадим поинтересовался, не ходит ли тот на концерты или на футбол в Лондоне. Митя ответил, что футболом так и не увлёкся, несмотря на то что отец футбол обожает, а Лондон футболом живёт. На какие-то концерты Митя ходил, но был не склонен об этом рассказывать. Вадим узнал, что Митя приехал на всё лето домой. На вопрос о планах на это время Митя только пожал плечами.

А Боря прохаживался поодаль и кого-то ругал в трубку. Пару раз он даже многосложно и громко выругался. Закончив, Боря постоял там, где говорил, а потом вернулся к столу.

– Чёрт бы их всех побрал, идиотов, – сказал он, подходя. – Хоть тысячу раз им всё разжуй и в рот положи, хоть сколько им объясняй... Всё равно проще самому всё сделать. И главное, никак на них не повлияешь, понимаешь?.. Хоть озолоти их, хоть совсем не плати – один чёрт! Ненавижу спесь и гонор идиотов, от которых требуется только выполнить то, что им сказано. Не больше и не меньше... Нет ведь, натворят такого!.. Говорю им русским языком: не понимаешь – спроси. У тебя что, язык отсохнет?! Спроси! Это же так просто! Нет! Не могут по-простому и как надо... Натворят такого!.. Потом поймут, что запутались, и ещё сильнее продолжают

путать. – На этих словах Боря допил остатки своего коньяка. – Сынок, знаешь, – продолжил он, уменьшив громкость высказывания и наливая коньяк Вадиму и себе, – нам с Вадимом надо поговорить. Вы ещё успеете... Лето длинное.

– Конечно, – спокойно сказал Митя, вставая. – Дядя Вадим, Кате и Соне привет от меня, они на каникулах где?

– Пока здесь. Может быть, в начале августа съездим куда-то к морю. Хотя... Не знаю, не знаю, – сказал Вадим и встал, потому что остальные все стояли. – Катя в Питер хочет поехать с подругой, Соне, по-моему, всё равно.

– Я бы хотел их увидеть... Надо будет, если можно, к вам заскочить. А в Питер я бы тоже хотел, – сказал Митя и хорошо улыбнулся. – Я в Санкт-Петербурге никогда не был... Да и в Москве толком тоже.

– Митя! – строго сказал Боря.

– Понял, – отреагировал Митя и приподнял руки вверх, как бы сдаваясь, – ухожу! До свидания, дядя Вадя!

– Сильно не прощаемся, – только и сказал Вадим.

Они обнялись с Митей, и тот ушёл в дом.

Боря проводил сына взглядом, отпил из бокала и сел. Было совсем тепло и безветренно. Вадим тоже сел, некоторое время молчали. Потом Боря тяжело и долго вздохнул и допил коньяк. Вадим, чувствуя всю непроговорённую сложность, зависшую в воздухе за столом, последовал Бориному примеру.

– Видал? – спросил Боря, сморщившись от выпитого, и

указал рукой в сторону, куда ушёл Митя.

Вадим изобразил непонимание, пожал плечами и развёл руками.

– Приехал чужой. Совсем чужой, – хрипло проговорил Боря. – С ним и раньше такое бывало... А тут просто незнакомый человек приехал и занял Митину комнату. Заметил, как он похудел? Из него жизнь как будто откачали. С матерью вообще не разговаривает. Со мной... Попробовал бы только не разговаривать... Но так, не сам – я спрашиваю, он отвечает. Сам, первый – ни слова. Из комнаты не выходит. С кем-то только постоянно на связи висит, и всё. Даже не жрёт ни черта. Вадик, ему же двадцати нет! Ты вспомни, как мы в этом возрасте постоянно хотели есть. Всё время! Дома нас неделями не видели... А он!.. Я вообще ничего не понимаю! Вернулся – и ни с кем видаться не захотел. Вспомни, как его провожали, сколько пришло друзей! Я, может быть, и рад, что тех его друзей больше не вижу... Но совсем ни с кем не встретиться!.. Даже просто в город выйти не хочет... Худой!.. – На этих словах Боря отпил половину содержимого своего бокала. – Заметил? В глаза не смотрит. А у самого глаза бегают, – продолжил Боря чуть более хрипло. – Я уж чего только не подумал... Думал даже комнату и вещи его обыскать...

– Боря! Остановись! – прервал его Вадим. – Ты даже не говори такого! – сказал он твёрдо, но сам себе не поверил. – Парень просто давно не был дома. И всё! Оторвался от гнез-

да...

– Да?! А какого он тогда из этого гнезда даже носа не высовывает? А?! – Боря скрипнул зубами и протянул вперёд свой бокал: – Но пьём мы не за это.

Оба чокнулись и выпили.

– Ещё зимой приезжал – всё было нормально, – продолжил Боря. – Я его почти не видел. Где-то пропадал... С кем-то. А теперь... Так зачем пришёл?

– Кто?

– Ты зачем пришёл? Извини, Вадик! Видишь, у меня тут то одно, то другое... Лето началось, тоже мне! – Боря снова налил, посмотрел, сколько осталось в бутылке, и долил остатки. Получилось помногу. – Так о чём ты хотел со мной поговорить?

– Да я уже и не знаю, стоит ли... – замялся Вадим, быстро обдумывая, как и с чего начать свою просьбу и стоит ли вообще с ней обращаться в этот раз.

– Вадик, не ломайся давай! Названивал, названивал, приехал в кои веки... Давай-ка, не стесняйся, что стряслось?

– Борь, слушай! Может, не стоит сегодня... – опустив глаза на свои руки и бокал, сказал Вадим. – Мы уже выпили, а я хотел на сухую. Давай ещё выпьем, а завтра я тебе всё...

– Завтра не выйдет, – прервал его Боря. – Ты не слышал? Я с коллегами из Москвы завтра... Да что же это, чёрт возьми, такое происходит?! – вдруг резко поменяв тон и громко опустив ладонь на стол почти прорычал Боря. – Ты что,

боишься меня о чём-то попросить? Ты боишься?! Меня?! И ты, как все? Все со мной говорить боятся. Вот будто кол проглотят и в штаны наложат – глазами хлопают и рыла воротят. Понимаешь, люди говорить со мной боятся! Монстра из меня делают... И ты туда же?! Меня сын родной боится! Жена как растение, как тень... ходит беззвучно. И ты туда же?! – Боря снова хлопнул ладонью по столу. – Мы же с тобой дружили сколько лет... Столько не живут!

– А вот это тост! – ловко ввернул Вадим. – Столько не живут. Это точно... Давай за нас! И уж кто-кто, а я буду последним, кто тебя боится. И другим прикажу не бояться! А вот опасаться – посоветую. – И Вадим поднял бокал. Боря покачал головой, едва улыбнулся и поднял свой.

– Ох и ловок ты, Вадя! Ох и ловок! – сказал Боря, и они выпили по доброму глотку. Боря скривился сильнее прежнего, и стало хорошо видно, что он пьян. Тоненькая струйка коньяка вытекла у него из угла рта. Он тут же утёр её ладонью: – Так чего хотел? Чего пёрся в такую даль ко мне?

Вадима передёрнуло от выпитого. Он поискал на столе, чем бы закусить, хотя до этого в закуске не нуждался, нашёл нарезанный лимон, ухватил один кругляшок, сунул в рот и с удовольствием сморщился.

– Да что мои дела? – жуя лимон и морщась, сказал он. – Я же не знал, что Митя вернулся. Знал бы, тогда совсем по-другому...

– Митя – не твоё дело! – сказал Боря совершенно сталь-

НЫМ ТОНОМ.

Это был тот самый тон, на который Вадим всегда реагировал одинаково. Тон, до которого выпивший Боря непременно доходил в их разговорах с глазу на глаз. А опьяневший Вадим на него откликался, как на вызов к поединку. И этот Борин тон случался тогда, когда они оба ощущали себя ещё вполне трезвыми, здравомыслящими и рассудительными.

– Что-о-о?! – чувствуя, как белеет в глазах от обиды, протянул Вадим. – Митя – не моё дело? А чьё это тогда дело?

– Моё! Мой сын – моё дело. Это просто, – стараясь изображать спокойствие, сказал Боря. – Понимаешь? Просто!

– Да-а-а? А чего ж ты его хер знает куда отправил, с глаз долой? А теперь причитаешь. – Вадим скроил кислую физиономию и продолжил издевательски писклявым голосом: – Ой! Сынок вернулся домой чужим!

Ой, он говорить со мной не хочет... Боится меня...

Вадим, как всегда, сорвался, и его понесло. Понесло сразу. С ним такое случалось только с Борей. Он часто ругал себя за эти срывы, но объяснял их сам себе тем, что не мог не ответить на вызов. Не мог потому, что Борино огромное состояние не давало Боре права вести себя и говорить оскорбительно. Вадим даже считал, что своими спорами на равных он отстаивает их старую дружбу, в которой количество денег и власти ничего не значат.

Но совсем редко, с похмелья, после ссор с Борей, Вадим мог откровенно сам с собой признать, что своими срывами

он доказывал себе своё равноправие и мстил Боре за свою же трезвую робость перед ним и его богатством, мстил за желание быть приятным, угодливым, за своевременные поздравления с днём рождения Бори, Оли, Мити, поздравления с Новым годом и прочее... Мстил за Борины дорогие подарки ему, жене и дочерям – если тот не забывал, мстил за то, что сам любил и ждал эти подарки.

Их споры всегда получались долгими, с попытками примирения в процессе и новыми вспышками вслед. Ни тот ни другой не могли остановиться, пока их не разнимали или пока Вадим не хлопал Бориной дверью. Сам Боря на дверь обычно не указывал. Ну а если и указывал, то Вадим не спешил дверью воспользоваться – из гордости и противоречия.

В этот раз случилось, как обычно. Они быстро заискрили, повысили голоса до предела, потом спустились до ледяного шёпота, попрепирались, повскакивали несколько раз с мест, поразмахивали руками, почти разошлись... Но неведомо как на столе появилась новая бутылка коньяку, и разговор пошёл почти спокойный, но происходящий на минном поле.

– Я вообще не понимаю, зачем давать сыну в Англии юридическое образование, – сильно наклонившись вперёд и тряся правой рукой, говорил Вадим, – если ты не хочешь, чтобы он там остался жить дальше! На кой ему английская юриспруденция здесь? Это же его время и твои деньги на ветер! Если тебе денег не жалко, так хоть Митино время...

– А ты мои деньги не считай. Без тебя есть кому посчи-

тать... – пьяно расслабив нижнюю губу, сказал Боря.

– Да не считаю я твои деньги, успокойся! Если бы я их считал, то уже давно либо сошёл с ума, либо убил тебя и ограбил. Боря, друг мой, я ж совсем про другое... Хотя, что я распинаюсь опять?! Ты же услышишь только то, что хочешь слышать, – сказал Вадим и махнул рукой.

– Вот и не распинайся! Своими займись! И детьми своими... Катке сколько? Скоро пятнадцать? Вот и занимайся...

– Мои девочки при мне! Я их с глаз долой не отправляю... И не тешу себя, мол, там безопасно, там спокойно... Я дыры в воспитании деньгами не затыкаю, понял?!

– Давно понял, Вадик! Давно! Потому что затыкать нечем. Ты Костю давно видел, а? Ты вообще знаешь, как он, что он? А Катя? Она чего по жизни хочет, кроме того, что ты от неё хочешь? Думаешь, она хочет всю жизнь пиликать на... этой... чёрт... – Боря защёлкал пальцами, вспоминая.

– На виолончели, – ехидно напомнил Вадим.

– Да понятно, что не на скрипке! – тоже ехидно ответил Боря. – Эту виолончель ей кто купил? Папа родимый? Не-е-ет! Папа родимый как бы случайно при тупом друге Боре начал скулить: ой, доченьке надо хороший инструмент купить, на дровах она играть не может, надо австрийский братъ, а он стоит, как самолёт... Помнишь? – И Боря на этих словах прищурился. – А?! Думаешь, ты самый хитрый... Да тебя с твоими мелочными хитростями насквозь видно. И гонор твой...

Вадим аж задохнулся от обиды, стыда и гнева. Он отлично помнил ту историю с покупкой виолончели, но надеялся, что Боря про это забыл.

– Я тебе очень за это благодарен... – сквозь зубы процедил Вадим. – Сколько тебя можно благодарить? Мне на коленки встать? Или что? В ножки поклоняться?...

– Вадик! Не смей тут шута из себя корчить и бедного родственника. Катке надо было инструмент хороший – я купил. Только зачем было при мне спектакль разыгрывать? Спросил бы... Попросил бы! Дело же простое, хорошее. Ребёнку купить хороший инструмент.

– А Митьке почему не купил? Сколько он тебя просил... Я тебя уговаривал, сам хотел купить... Ты же запретил! Запретил парню делать то, что он хочет! – Вадим весь побледнел и теперь неотрывно смотрел прямо Боре в глаза. Он даже перестал моргать. – Ты чего боялся? Что, если парень возьмёт гитару или сядет за барабан, то и человеком не станет? Мужика из него не выйдет, по твоим понятиям? А чего ж ты со мной якшался, когда я был музыкантом? Тёрся рядом? Весело тебе было со мной. Интересно! Конечно!!! Запчасти продавать не весело, но деньги. Попродавал – и бегом ко мне! Забыл?! – Вадим уже орал громким шёпотом. – Забыл?! А сыну своему радости не дал! Зассал! Гитара нужна была простенькая, и всё... Парень счастлив был бы. Но ты зассал, что он будет не такой, как ты... Что насрать ему будет на твоё величие!.. И что теперь? Что? Митька – лондонский юрист! Так? Бе-

лая кость и воротничок! Какая ему гитара? Секс, наркотики, рок-н-ролл... И чего? Насчёт секса не знаю, рок-н-ролла нет, зато наркотики...

Боря с грохотом опустил кулак на стол.

— Я ссал, — сказал Боря страшно ровным голосом, — что он в кабаке играть будет. Вспоминал, как ты до кабака доигрался, и ссал. У меня ты... твоя суета постоянная живым примером перед глазами стояла... По мне, он пусть хоть дурь жрёт тоннами... Только не будет, как ты! Понял?!

У Вадима от этих слов совсем побелело в глазах. Он перешёл на крик, Боря тоже. Потом Вадим не мог вспомнить, что он кричал и что орал в ответ Боря. Но на их крик прибежали какие-то люди, Борины охранники или прислуга. Боря принялся их прогонять, но Вадим воспользовался этим, вышел из-за стола и, как ему казалось, ровным и гордым шагом направился к воротам Бориной усадьбы. Боря что-то ещё выкрикнул вслед, но Вадима уже выпускали за ворота, на дорогу между заборами других усадеб.

На этой дороге Вадим немного опомнился, хотя сердце от гнева билось где-то в горле. Он вспомнил, что до города далеко, и до трассы, где можно поймать машину, тоже не близко... И ещё больше преисполнился благородным гневом и жалостью к себе.

Вадим шёл быстро, но ушёл недалеко. Минут через пять его догнал автомобиль. Вадим услышал шум двигателя и колёс, увидел свет фар и шагнул на обочину, но автомобиль не

обогнал его, а поравнялся и остановился. Дверца открылась.

– Вадим Сергеевич! – услышал Вадим знакомый голос. – Вадим Сергеевич!

Вадим, который успел пройти немного вперёд, оглянулся и разглядел Валеру, Бороного водителя и охранника с незапамятных времён. Крепкого, лысого мужика в возрасте, хорошо за пятьдесят. Он всегда нравился Вадиму своей вежливостью и спокойствием в любой ситуации.

– Вадим Сергеевич, – снова позвал Валера, – давайте я вас до дома довезу!

– Спасибо, Валера! Не стоит. Сам дойду. Прогуляюсь, – как можно беззаботнее сказал Вадим.

– Тут вам до утра гулять придётся.

– Вот и славно. Вспомню юность. – Вадим усмехнулся. – А шефу скажи, что я не нуждаюсь.

– Борис Юрьевич не знает, что я поехал. Я на своей. Не переживайте. Он не узнает, что я вас довёз.

Садитесь. Всякое бывает... Правда далеко.

Когда Валера подъезжал к дому Вадима, тот успел задремать и даже всхрапывал во сне.

Вадим брал деньги у Бори лишь однажды. Давно. Не хватало на покупку той самой квартиры, в которой Вадим и жил. Тогда подвернулся удачный и просто роскошный вариант. Он устал жить с женой и маленькой Катей в съёмной квартире с компромиссными обоями, мебелью и шторами. А тут

подвернулся вариант, какие случаются редко, если не раз в жизни. Нужно было платить быстро, но необходимых денег не было. Вадим всё перебрал и решил обратиться к Боре с просьбой дать денег в долг на полгода, а лучше на год, чтобы как можно скорее сделать ремонт и жить по-человечески.

Вадим обратился к Боре с ответственной просьбой. От отчётливо понимал, что точно сможет вернуть деньги, и сумму определил как реальную. Сроки тоже.

Деньги Вадим получил, но решил к Боре по поводу денег больше никогда не обращаться.

Боря так напрягся из-за той просьбы. Так подробно расспросил, почему и зачем деньги понадобились. Ужасно недоверчиво и дотошно всё изучил, посмотрел даже документы на квартиру, подключил своих юриста и риэлтора. Больше всего его беспокоила причина просьбы, состояние дел Вадима, а главное – не собирается ли Вадим на этом заработать, не хочет ли впоследствии квартиру продать, сдать или сделать некий бизнес.

Вадим на всё ответил, оформил расписку, всё гарантировал на любой случай. Ему та канитель показалась унижительной и обидной. Он не готов был к такому подходу со стороны старого друга. К тому же Вадим понимал необходимую ему сумму смехотворной для Бори, который легко тратил бóльшие суммы на праздники, аренду яхт, путешествия и подарки.

На совместном отдыхе или в ресторане Боря не давал Ва-

диму платить. Да Вадим и не пытался изображать, что достаёт бумажник. Боря всё равно не дал бы воспользоваться деньгами. Боря даже сердился, если Вадим при нём собирался за что-то платить.

Боря любил делать дорогие подарки и был внимателен к тому, пользуются этими подарками или нет. Он не забывал приглядеться, носит ли Вадим те часы, что он подарил, и не забывает ли надевать дорожные запонки. Самому Боре сделать подарок было трудно. К тому же он относился к подаркам невнимательно, благодарен не был никогда. Точнее, был, но весьма формально. Внимания же Боря к себе требовал. С годами стал Боря обидчив на невнимание и ревнив.

Те унижительные проверки, что устроил Боря перед тем как нужную сумму дать, Вадим объяснил себе Бориным богатством и недоверием богатого человека, боящегося, что им просто воспользуются и будут с ним неискренними. Вадим знал, что, разбогатев, Боря часто выказывал опасения, что с ним дружат, любезничают, соглашаются во всём и набиваются в приятели только из-за денег. Вадим то презирал это в друге, то сочувствовал ему, то не мог понять, почему сам терпит Борины выходки и демарши. Вадим иногда задавал себе вопрос: неужели он терпит Борю из-за таинственной сути огромного его состояния и власти?

Но больше всего в ситуации с тем долгом Вадима задело и даже оскорбило то, как Боря принял деньги обратно.

Вадим вернул долг в срок. Всё сполна и в срок. Ему это

далось нелегко. Случилась полоса неудач, жена сильно болела, дела шли не очень, разбил машину.

Вадим тогда ужасно напрягся, чтобы вернуть деньги в срок. Остановил ремонт квартиры, ездил на плохонькой служебной машине, отказался от мало-мальски летнего отдыха, что-то даже перезанил по мелочи. Но всё же он справился и гордился собой.

Вадим в назначенный день возврата долга позвонил Боре и попросил о встрече. Тот предложил приехать к нему в офис днём. Вадим приехал в условленное время, долго ждал, беседовал с Настей, Бориной помощницей, пил кофе. Потом Боря освободился и позвал Вадима к себе в огромный кабинет. С ходу стал рассказывать о том о сём, показал фотографии катера, который заказал за границей. Катер был красивый и, по словам Бори, очень быстрый. Ещё Боря вполне формально поинтересовался делами Вадима и в конце концов спросил, зачем тот пришёл. Когда Вадим сказал, что пришёл вернуть долг, что нынче как раз назначенный срок, Боря озадаченно наморщил лоб, и стало видно, что он быстро пытается сообразить, о чём идёт речь. Потом он сообразил и сказал: «А-а-а-а! Точно! А то я вижу, ты какой-то серьёзный и официальный. Подумал: не стряслось ли чего. Ну, слава богу! Насте отдашь».

Вадим понял, что Боря уже и забыл или не совсем забыл, но точно об этом давно не вспоминал и определённо не держал в голове даты возврата долга. Очевидно было, что то,

над чем Вадим бился последние пару месяцев, все его усилия и старания собрать деньги вовремя, для Бори не значат ничего, а большая, весомая для Вадима сумма просто ничтожна для Бори. Эта сумма была недостойна его внимания в момент возврата. «Насте отдашь», – прозвучало для Вадима как пощёчина.

Вадим тогда растерялся. А у Бори стал названивать телефон. Боря ответил, извинился и прикрыл трубку ладонью.

– Дружище! Что-то ещё? Прости, тут важно. Надо поговорить, – сказал Боря, явно намереваясь проститься.

– Да, понятно, – ответил Вадим и переступил с ноги на ногу.

– Так что-то ещё? – поторапливая, спросил Боря.

– Просто... расписка... – выдавил из себя Вадим.

– Расписка?.. Ах да!.. У Насти возьми. Она найдёт... Забери себе. Порви, если хочешь.

Тогда Вадим решил: что бы ни стряслось, как бы ни прижало, больше к Боре за деньгами не обращаться.

Но прошли с тех пор годы. Боря стал ещё богаче и, казалось, стал адекватнее своему состоянию и положению в обществе. Как-то поутих он с демонстрациями своего величия, практически оставил барские замашки, и окружающие его друзья-приятели тоже про эти замашки позабыли.

А Вадим не забыл. Ему думалось, что он знает Бору лучше и глубже остальных. Он подозревал, что Боря не изме-

нился, просто вся его некогда показная суть ушла вглубь: обладая звериной интуицией и житейским чутьём, Боря просто научился себя вести. Вадим даже восхищался этой Бориной способностью всегда соответствовать ситуации. Да и что скрывать: никого интереснее, ярче и масштабнее Бори в жизни Вадима не было. Вадим вполне осознавал это. То с гневом, то с тоской, но осознавал.

А знал Вадим так много людей, что можно было бы знать и поменьше. Но именно с Борей были связаны многие важнейшие этапы и события его жизни. Боря как появился в этой жизни давно, так и остался, несмотря на все их ссоры, разницу взглядов и непримиримость позиций. А ещё Вадим был уверен, что он Боре тоже жизненно необходим. Необходим то как совесть, то как связь с юностью и чем-то земным и настоящим в заоблачном и часто нереальном мире больших денег.

Вадим мог многих назвать друзьями, знал же он буквально всех сколько-нибудь заметных в городе людей. Знал политиков и прокуроров, знал спортсменов и артистов, знал врачей и учителей. Знал жён и мужей, знал любовниц и знал детей. В свою очередь, Вадима знал весь город.

Его знали как человека, который с давних пор был заметной и яркой фигурой, ездил на экстравагантных машинах, одевался явно не по местным меркам, водил знакомство со столичными артистами и музыкантами. Вадим был известен тем, что если его пригласить на ужин, то ужин получится ве-

сёлым. Он славился тем, что знал массу анекдотов, а главное – умел их рассказывать, его тостов ждали, он мог неожиданно спеть, что-то придумать и спасти самую скучную и вялую вечеринку. К Вадиму относились в городе с улыбкой, то есть не особо серьёзно, но с теплотой. Его рестораны и клуб были какое-то время популярны, успешны и любимы. С Вадимом многие хотели быть знакомы.

Когда после успеха пришли трудные времена и Вадиму пришлось закрыть несколько своих заведений, он стал зарабатывать тем, что организовывал и проводил разные мероприятия и праздники – свадьбы, юбилеи, новогодние торжества. Сначала делал это редко и только для знакомых и заметных в городе людей. Потом понял, что это существенные и не трудные деньги, если отбросить излишнюю гордость и щепетильность. Вадим провёл массу свадеб и произнёс тысячи тостов на многих днях рождения. Так что многие считали себя с Вадимом чуть ли не закадычными друзьями, хотя он не мог их припомнить. И очень многие полагали, что имеют право похлопать Вадима по плечу и обратиться на «ты», несмотря на значительную разницу в возрасте.

Вадим не позволял фамильярности со стороны малознакомых людей из числа гостей той или иной свадьбы или юбилея и пресекал панибратство.

Вообще, в городе его воспринимали как весёлого, эксцентричного, говорливого светского персонажа. Те же, кто знал его лучше, относились к нему как к не особо серьёзному,

но честному человеку, гордому и неуравновешенному, способному на сильные вспышки как гнева, так и доброты. У него была репутация не очень делового, но деятельного бизнесмена. В партнёры он никогда никому не набивался, и никто не искал партнёрства с ним, так как знали, что Вадим неуживчив, деспотичен, непоследователен в действиях и не очень удачлив. Всё это Вадим и сам про себя знал.

Но всё же никто и никогда не смог бы обвинить Вадима в деловой нечестности, в жульничестве, серьёзной лжи или вероломстве. И у давних знакомых Вадима на памяти не было таких примеров. Его даже считали уж слишком решительным борцом за справедливость. А несправедливость ему мерещилась всюду и везде. Короче говоря, у Вадима была хорошая репутация в городе.

Последние три года дела шли совсем скверно. Как это обычно бывает с ресторанами, особенно в городах, которые и с натяжкой мегаполисом назвать нельзя, сначала после открытия вся местная публика, склонная к посещению ресторанов, устремляется в новое заведение, а потом обрекает его либо на быструю, либо на медленную смерть. Лишь некоторые рестораны самым странным и не анализируемым образом живут многие годы, практически не меняясь.

С заведениями Вадима случилось как обычно. Когда он прибрал к рукам тот ресторан, в котором играл для публики на бас-гитаре, и, продав с себя всё, вложил в его рекон-

струкцию, ему повезло. В целом время было удачное. Как-то спокойно было в стране, люди почувствовали себя теми, кто может планировать спокойную старость. Многие хотели веселиться. А Вадим представил городу обновлённый до неузнаваемости, но старый и известный всем ресторан. Городу он пришёлся по душе. Вадим пережил первый свой финансовый успех.

Потом он купил кафе в центре, переделал. Туда повалила местная чистенькая молодёжь с хорошими карманными деньгами. Кафе стало модным... Потом ещё кафе, ресторан, клуб.

Был период, когда Вадим поражался цифрам доходов от своих заведений. В детали финансовой жизни он не особенно вникал. Догадывался, что воруют, но в целом был доволен сотрудниками и положением дел. Себя же он ощущал богатым человеком, хотя все деньги пускал на развитие, на себя и на семью брал немного. Квартирный вопрос всё откладывал и оставлял на потом. Разве что путешествовал да позволил себе машину такую же, как у Бори, но не чёрную, а яркого радостного цвета.

Но мода прошла. Не быстро, но прошла. К тому же хорошие времена, как водится, резко сменились плохими, и те, кто заглядывал в спокойную старость, уже не могли из вторника заглянуть в четверг. По ресторанам это ударило сильно, по коллективу и сотрудникам тоже. Выявились проблемы организации и устройства дел, цифры доходов оказались

цифрами. Дела Вадима из идущих хорошо превратились в идущие из рук вон. В разгар всего этого Вадим купил квартиру, одолжившись у Бори. Он даже машину хотел продать, к тому же Боря успел сменить несколько автомобилей, а Вадим ездил всё на той же. Однако машину Вадим разбил.

С тех пор дела уже так чудесно, как вначале, не шли. Были взлёты, отдельные и кратковременные успехи, но большого и уверенного успеха не случилось.

Меняющееся время требовало серьёзных изменений методов работы и подходов к ней. Вадиму надо было менять как сотрудников, так и интерьеры, оборудование и суть своих заведений. Но прежде всего ему надо было сменить свой образ и способ ведения дел. Надо было стать гораздо более подробным и жёстким. Однако Вадим пуще прежнего суетился, пытался все свалившиеся задачи решать сам и только какими-то разговорами. Затыкал дыры деньгами, которые зарабатывал свадьбами и праздниками... В итоге всё начало рушиться и растаскиваться. В какой-то момент Вадим с ужасом понял и сам себе сознался в том, что завёл свои дела в тупик и подвёл их к краху.

Клуб. Только старый, с давних пор любимый городом клуб жил своей жизнью. В этот клуб вслед за родителями приходили дети, многие благодаря этому клубу и родившиеся. Вадим и Боря когда-то сами жили клубом. Заполучив его, Вадим отнёсся к нему со всем уважением и почтением. Он ощущал его как старого товарища и коллегу. Каждый уголок

клуба, от коридора возле туалетов до сцены, на которой Вадим не раз стоял, был связан с каким-то событием, с какими-то лицами и именами. Он любил клуб и гордился тем, что стал его хозяином, обладателем и хранителем.

Но вот и над клубом нависла угроза.

Вадим поехал к Боре просить денег в долг, потому что надо было спасать клуб. Срочно!

У Вадима, кроме клуба, остался только один, самый первый ресторан. Остальные заведения он продал, какие-то удачно, какие-то неудачно, а какое-то закрыл и помещение сдал в аренду.

Оставшийся ресторан требовал серьёзной реконструкции. С момента полной переделки и открытия всё в нём устарело во всех смыслах, и очередной освежающий ремонт был бы мерой явно недостаточной. Однако ресторан всё же жил. Доходов он Вадиму не приносил, но и убытками не огорчал. К нему привыкли, и эта привычка держала заведение на плаву.

Вадиму предлагали за ресторан хорошие деньги. Молодые, нахрапистые ребята с Кавказа скупали в городе всё, скупали не вникая.

Их предложение было щедрым. Но Вадим отказался. Он видел, кто хочет купить его самый первый и самый важный в жизни ресторан. Он понимал, что, если продать его именно этим покупателям, ресторан моментально исчезнет. На его месте появится кавказское нечто – с другой едой, музыкой, людьми. Для Вадима это было как продать свою биографию

тем, кто её не понимает, не знает и не ценит. Вадим хотел сохранить ресторан и, как только позволят средства, сразу поставить его на большую реконструкцию. Он хотел снова порадовать город обновлённым, любимым многими местом. Он хотел снова пережить незабываемый успех. Вадим связывал с этим много планов, а главное – надежд.

В клубе же стряслась беда: приключился пожар. Пожар небольшой, не в зале, а на складе и не в рабочий день. Посетителей не было. Клуб был закрыт. Пострадал только сторож: отравился дымом, не сильно. Сгорело немного, но проблем получилось много.

К Вадиму в клуб нагрянули комиссии за комиссиями. И все находили нарушения и недочёты. Особенно пожарные.

Противопожарные системы клуба устарели, многое не соответствовало новым, постоянно меняющимся нормам и инструкциям. По множеству причин ему грозили огромные штрафы. Клуб моментально закрыли. И только доброе имя Вадима, наработанное годами, знакомства и уважение необходимых людей, проявленная энергия и своевременная, но жуткая Вадимова суета спасли клуб от окончательного закрытия. Его закрыли временно – до устранения замечаний.

На устранение замечаний у Вадима было немного времени. Неработающий клуб превратился из кормильца в грабителя. Времени было мало, а денег на быстрое устранение замечаний нужно было много.

У Вадима этих денег не было. Катастрофически не было!

И взять их было неоткуда. Доходов, кроме как от клуба, он не имел. Продать было нечего. Арендаторы, которым он сдавал пару помещений, заплатить за аренду вперёд отказались и выкупить площади по неприлично низкой цене тоже. Кредит взять Вадим не мог, потому что на нём висело несколько. Да ещё разгар лета. Город опустел.

Времена же настали такие, что просить в долг было просто неприлично, даже под проценты, даже под хорошие. Никто не понимал, что будет не только с рублём, но и с теми валютами, которые ещё недавно казались слонами, на которых держится Земля.

Вадим весь извёлся и издёргался. Он отчаянно хотел спасти клуб, свой образ жизни, не продавая ресторан. Не хотел продавать свою личную историю и надежды.

Он приходил домой, когда жена и дочери спали. Говорил дома, что у него очень трудный период. Просиживал много времени за телефонными разговорами, мотался по встречам. Подолгу ждал в приёмных людей, от которых зависело решение проблем закрытого клуба.

Но при всём том выглядел Вадим бодро. Усталость выдавали только глаза... Одет был всегда свежо, независимо и гордо. Никто, кроме посвящённых, даже не догадывался о том, что творится в его жизни. Вадим выглядел настолько благополучно, что кто-то даже обратился к нему с просьбой дать денег в долг. Он отказал, сказал правду, что выручить не может. Но ему показалось, что просивший не поверил и

обиделся.

Боря как-то советовал Вадиму хоть иногда выглядеть скромнее, особенно когда дела идут не блестяще.

– Пойми, дружище! – говорил Боря весело и расхаживал по комнате. – Ты же, зараза, всегда так выглядишь, что тебе никто не то что не поможет, но и посочувствовать не захочет. Ты всегда у нас шикарный, независимый и самодостаточный... Ну как такому... – и он широким движением сверху вниз указал на Вадима, – успешному человеку решиться помочь? Никто не захочет чувствовать себя идиотом, а выглядеть дураком. Если тебе что-то понадобится от кого-то в мэрии, в прокуратуре или денег надо будет перехватить... Ты хоть оденься поскромней. Рожу сделай не такую довольную... собой. Плечики приопусти... И только тогда формулируй просьбу. А то у всех проблемы... И как-то обидно и не понятно – давать денег или оказывать помощь более счастливому и благополучному... кренделю. Грустно, скромно, тихо...

– Не дождётесь! – с улыбкой сказал Вадим.

– Да знаю я! – тоже с улыбкой ответил Боря. – Только ты тоже не дождёшься... ни помощи, ни сочувствия.

Последние дней десять до того как решиться на встречу с Борей и попросить в долг, Вадим почти не спал. Он пытался перехватить денег понемногу у разных людей и из разных источников. Но все, кто мог выручить, либо были уже

на летнем отдыхе, либо собирались на отдых и отказывали. Надо было решаться: или по-быстрому продавать ресторан, или просить Борю. Вадим долго думал и позвонил Боре.

Он долго, ночами, готовил короткую и внятную речь, в которой изложит просьбу, причины просьбы, все резоны, а также гарантии. Вадим твёрдо решил предложить Боре, чтобы тот дал деньги под процент, и намеревался настоять на этом. Ворочаясь до утра, он всё повторял и повторял эту речь, представлял Борину реакцию, его вопросы и тут же находил исчерпывающие ответы на все возможные вопросы.

В конце концов он позвонил Боре и, пока ждал ответа, волновался. Он всегда волновался, когда звонил Боре. И всегда ругал себя за это волнение. Он волновался, что Боря не ответит и не перезвонит. Проигнорирует. А такое случилось. Вадим переживал. Сердился, когда передавал помощнице или водителю просьбу, чтобы Боря позвонил, как только сможет, а тот подолгу не звонил или вовсе не перезванивал. Вадим волновался, когда видел, что звонит Боря или из его офиса. Он ругал себя за это волнение, считал его плебейством, но ничего с этим поделать не мог.

В этот раз Боря ответил сразу, быстро назначил встречу у себя дома, сказал, что рад звонку и будет рад встрече. Ещё он выразил надежду, что у Вадима всё в порядке и с ним ничего не стряслось.

– Нет-нет! Всё нормально! – соврал Вадим и испепелил себя за глупый, фальшиво беззаботный тон. – Просто давно

не виделись... И есть один важный вопрос... Но это с глазу на глаз.

– Жду! – спокойно и ясно сказал Боря и закончил разговор.

– Да, дружище! Подъеду вечером. Посмотрю, как ты там... – сказал Вадим и понял, что его уже не слушают, что Боря разъединился.

И вот Вадим приехал на назначенную встречу, а разговор не получился совсем. Точнее, получилась отличная ссора. Такая, какие у них были не раз, и даже ещё сильнее. После неё ни о какой просьбе, ни о каких деньгах, даже под самые страшные проценты, речи быть не могло.

На следующий день после ссоры Вадим проснулся рано. Он проснулся, вспомнил всё и пожалел, что проснулся. Вадим обнаружил, что спал на диване. Диван был застелен и явно ему приготовлен. Он не смог вспомнить, как до дивана добрался, как разделся и уснул, но лучше бы ему было не вспоминать того, что этому дивану предшествовало.

Дома было тихо, только шум улицы доносился из открытого окна. Колыхалась занавеска. Вадим позвал жену. Дома никого не оказалось. Жена и девочки куда-то ушли, его не побеспокоив.

Вадим медленно встал, нашёл таблетку от головной боли и долго-долго запивал её двумя полными стаканами воды из холодильника. Потом неподвижно стоял посреди кухни и думал.

Он прокручивал и прокручивал разговор с Борей, тяжело вздыхал и снова вспоминал детали и эпизоды ссоры. Стыдно и обидно было ужасно. И жаль было, что всё произошло именно так, а не иначе. Именно так, как он не хотел, боялся и предполагал.

Но стыдно было сильнее. Он вспоминал Борины слова и выпады, вспоминал свои ответы, те слова, которыми парировал Борины уколы. Вспоминал и оставался страшно недоволен собой. Он стоял посреди кухни в одних трусах, молчал, а сам мысленно находил те удачные и сильные слова, которыми можно было вчера достойно и мощно ответить и даже победить Борю. Но вчера эти слова не нашлись.

И над всеми этими мыслями нависла одна тяжёлая и тёмная, как туча, дума: что же теперь делать? Он думал эту думу медленно и обречённо. Так Вадим стоял долго, а потом пошёл искать телефон. Нашёл, увидел неотвеченные звонки и сообщения. Кому-то перезвонил, кому-то написал. А сам всё думал и думал: что же делать?

После ванной, не одевшись, Вадим стал искать телефонный номер кавказцев, что хотели купить ресторан. Перебрал бумаги на столе, в столе. И только в куче визитных карточек, которые накапливались в большой хрустальной пепельнице, которой Вадим не пользовался по назначению давно, с тех пор как они с Борей решили бросить курить и заключили пари... В ней он нашёл наконец визитку с золотым двуглавым орлом, с телефонным номером из сплошных нулей и единиц

и гордой надписью: «Группа компаний «Восточный ветер».
Умар Магомедович Дабиев, генеральный директор».

Вадим подержал карточку в руках, несколько раз перечитал её, вспомнил возраст и поведение этого генерального директора и бросил её обратно в пепельницу.

– В самую последнюю очередь, – тихо сказал он сам себе, – в самую последнюю... – пробормотал Вадим, а сам подумал, что просто не может прямо сейчас набрать этот номер, не может так сразу сдаться. Ему нужно немного времени, чтобы свыкнуться и смириться с тем, что другого выхода и возможности у него нет. Боре же он больше не позвонит никогда и ни за что. Это было намного яснее, чем после всех их предыдущих споров и ссор.

Прошло довольно много времени, прежде чем Вадим задумался и обеспокоился тем, что проснулся дома один. Главное – нет дома девочек, и это летом! Он вдруг почувствовал себя страшно одиноко и тревожно. С ним такого не было давным-давно. Он не помнил, чтобы ему доводилось приходить домой, а дома никого не было. Пусть все спали, но были дома. И когда он уходил, кто-то, даже если не провожал, но всё же дома оставался. А тут он вдруг ощутил пустоту своего жилища, и ему стало не по себе.

Вадим тут же набрал телефон жены.

– Алло! – сказал он.

– Да, – ответил её холодный голос.

– А вы где? Я проснулся, а вас нет.

– Мы отъехали.

– Это я понял. Куда? Надолго?

– С каких пор это стало тебя интересовать?

– Так! Не начинай, пожалуйста! Я просто спросил.

– Мы поехали по магазинам.

– С девочками?

– С девочками.

– Чего вдруг? Могли меня позвать.

– Вадим, – сказала жена совсем холодно, – чего тебе? Ты мне мешаешь. Мы в магазине.

– Так почему вы так решили вдруг...

– Не вдруг, Вадим, не вдруг! – Она слегка повысила голос. – Если ты ничего не помнишь, то это не значит, что мы решили сделать это вдруг.

– Чего я не помню?

– Ничего!

– Я серьёзно!

– Серьёзно? Тогда какое у нас сегодня число?

– Пято... Шестое! Шестое июля. И что?

– А завтра?

– Завтра... – Вадим хлопнул себя по лбу ладонью левой, свободной, руки. – Седьмое! Конечно! Катенькин день рождения... Моя хорошая! Я не забыл про день рождения, я просто не вспомнил, что сегодня шестое... – В этот момент Вадим услышал, что жена отключилась.

Оставшийся день Вадим приказал себе ни о чём, кроме семьи и дня рождения дочери, не думать и не изводить себя неразрешимыми на текущий момент проблемами. Он быстро весь превратился в подготовку и обдумывание праздника для дочери. А ей исполнялось пятнадцать. Почти юбилей.

К тому же была пятница, и Вадим мог с чистой совестью отложить все самые важные дела и разговоры до понедельника.

Вадим договорился с кафе в парке у реки. Быстро и опытно обсудил меню и скидки на еду и обслуживание. Коллеги по общественному питанию не отказали ни в чём. Музыкантов он позвал своих, из клуба.

Самое трудное было установить и обзвонить всех Катиных подружек и друзей, не уехавших далеко на летний отдых, пригласить их, уговорить их родителей привезти детей с дач или из школьных летних лагерей... В случае необходимости Вадим звал и родителей. Всё это пришлось делать ему, потому что Катя вдруг заартачилась и как взрослая пятнадцатилетняя барышня заявила, что видеть никого не желает и что ей ничего не нужно.

Однако всё что надо Вадим устроил, а жена взяла на себя Катино настроение, успокоила взбудораженную и ревнующую младшую Соню, выбрала и купила девочкам платья, убедила обеих на следующий день поехать в салон и сделать роскошные причёски. Вадим с женой, как любящие родители, сделали всё что могли и что нужно. Эти заботы так от-

влекли Вадима от проблем, что он даже был весел и азартен.

С погодой в субботу повезло. На приглашение откликнулись и приехали пять девочек и два мальчика из числа одноклассников и приятелей Кати. Она была нарядна и счастлива. Приехали родственники, родители жены, семейные старые друзья.

Праздник получился. И как любое весёлое событие, запомнился бы Вадиму только общей радостью да парой десятков фотографий, если бы не один странный и настороживший Вадима эпизод.

Около четырёх часов дня, когда подготовка была в самом разгаре и вот-вот должны были подъехать гости, Вадиму вдруг позвонил Валера, тот самый водитель Бори, что довёз его до дома. Вадим несказанно удивился звонку, но никак не выдал удивления.

– Вадим Сергеевич, здравствуйте! Это Валера... – услышал в трубке Вадим.

– Да, Валера, я узнал, – ответил Вадим, – здравствуй!

– У вашей старшей дочери Екатерины сегодня день рождения, правильно?

– Да, Валера, сегодня. Всё правильно, – совершенно спокойно сказал Вадим, но при этом почувствовал сильнейшее волнение, смешанное с любопытством.

– Поздравляю вас и вашу супругу, – как всегда медленно, с одной ровной интонацией сказал Валера. – А сколько ей исполнилось?

– Пятнадцать лет, Валера.

– Ого! Замечательно. Круглая дата, – так же спокойно прозвучало в трубке. – Вадим Сергеевич, Митя очень хочет подъехать, поздравить Катю и передать... ой, то есть подарить подарок. Как это можно сделать, чтобы никому не помешать? Как-то ближе к концу мероприятия.

Вадим объяснил, где всё будет происходить, куда и когда лучше подъехать. Валера поблагодарил и попрощался.

А Вадим обрушил на себя массу вопросов, на которые у него не было сколько-нибудь внятных ответов... Что означал этот звонок? Неужели Боря таким образом хочет извиниться? С Борей такое бывало. В смысле, извинений он не приносил никогда и не признал себя виноватым ни разу, но некие первые шаги к примирению порой делал. Но что означает именно этот звонок?

Про Катин день рождения Боря, в принципе, знал. Помнил или нет – другой вопрос. Но он эту дату знал, знал Катю с младенчества и не раз одаривал и поздравлял, если не пропускал и не забывал...

Почему Митя завезёт? Или это Митина инициатива, что сомнительно, потому что хоть Митя и нежно относился к Вадимовым девочкам, однако они были сильно его младше, чтобы по-настоящему дружить. Да и общались они в последний раз давненько.

Проще говоря, звонок из Бориного лагеря поверг Вадима в изумление и непонимание. Но приходящие гости и начало

торжества отвлекли его от путаных и волнительных размышлений. Он занялся днём рождения дочери и гостями. Потом выпил вина с кем-то из родственников, потом ещё. Среди детско-юношеского веселья, среди радостных лиц родных и знакомых людей, под несколько бокалов вина и пару рюмочек чего-то покрепче, Вадиму стало хорошо и почти спокойно.

К половине девятого вечера праздник стал для детей утихать, а для некоторых взрослых дошёл до высшей точки веселья. В это время прямо по аллее парка, где проезд автомобилей был запрещён, к кафе подъехала большая чёрная машина и остановилась. Вадим видел это, потому что провожал кого-то из гостей. Из машины вышли Валера и Митя. Они достали с заднего сиденья: Валера – огромный букет цветов, а Митя небольшую коробку, красиво обёрнутую бумагой и обвязанную лентой.

Валера был, как всегда, в тёмном костюме, а Митя – в светлых брюках и белоснежной, хорошей рубашке. Вот только и брюки, и рубашка казались велики минимум на пару размеров. Митина шея нелепо торчала из чересчур широкого ворота рубашки. Митя заметно сутулился. Валера же нёс букет, расправив плечи и широко ставя ноги.

– Где у нас виновница торжества? – улыбаясь, спросил Валера.

– Дядя Вадик, поздравляю вас! – сказал, подходя, Митя. – Где Катя? Мы можем её поздравить?

Вадим, широко улыбаясь, пожал протянутые руки и проводил прибывших в кафе. Он с порога указал им на виновницу торжества, которая весело говорила с подругами в дальнем углу. Играла музыка.

В центре зала несколько взрослых, в том числе жена Вадима, танцевали.

Валера и Митя пошли к Кате. Увидев их, она подскочила, захлопала в ладоши и побежала навстречу.

Митя наклонился к Кате, они обнялись.

Вадим не слышал, о чём они там говорили. Катя с удовольствием приняла букет, к ним подошла жена Вадима. Катя отдала букет матери, потом взяла у Мити коробку, сняла ленту, развернула бумагу и вдруг присела от восторга. Она присела, как ребёнок, который увидел что-то неожиданно радостное и прекрасное. Музыку перекрыл Катин восторженный визг. Не прерывая звука, Катя пару раз подпрыгнула, нашла глазами Вадима и бросилась к нему.

– Папа! Папа! – кричала она, подбегая. – Посмотри, что мне Митя и дядя Боря подарили! Фотоаппарат! Профессиональный! Им даже можно кино снимать! А-а-а! – И Катя снова издала счастливый визг, похожий на крик радостного дельфина, тут же развернулась, бросилась обратно и с разбега обняла Митю.

Вадим стоял где стоял и улыбался. К нему подошёл Валера. Митя, Катя и её подружки распаковывали фотоаппарат.

– Как Катя выросла! – сказал Валера. – Я её год не видел,

а тут совсем девушка уже.

– И не говори, – ответил Вадим, не глядя на Валеру, а глядя на детей, – сам иногда не верю глазам.

– Хороший у вас праздник. Приятный, – медленно произнёс Валера, осматриваясь.

– Чаю, кофе? Не стесняйся, Валера. Ничего крепче не предлагаю. Может, перекусишь?.. Торт?

– Спасибо.

– Спасибо – кофе? Или спасибо – чаю? – улыбнувшись и похлопав по плечу Валеру, сказал Вадим.

– Я бы сока выпил... Апельсинового, если не трудно, – почти застенчиво попросил Валера.

– Нет! Не трудно. Сейчас.

Вадим принёс стакан сока. Валера в ожидании смотрел на детей, которые фотографировались новым аппаратом. Митя всех фотографировал.

– А моя Марина в августе замуж выходит. Спасибо большое, – беря стакан, сказал Валера.

– На здоровье!.. Как замуж? Сколько ж ей? – удивился Вадим.

– На год младше Мити... Рано – понимаю, – как всегда ровно, но с едва заметной грустью сказал Валера. – Слушать никого не хочет... А что я ей могу сказать? Я её и видел-то обычно спящей. Работа-то не нормированная. – На этих словах Валера улыбнулся тонким своим ртом и отпил сока.

– Марине уже столько лет?! – поднял брови Вадим, заду-

мался. – Ну конечно! Да-а-а! А ты говоришь, моя девушка уже... Надо же! Замуж Валерина дочь выходит! Подумать только!

– Вадим Сергеевич, простите, может, это не моё дело, – вдруг изменив тон, сказал Валера, – но Борис Юрьевич вчера с утра переживал... Переживал из-за вашей ссоры...

– Это он тебе сам сказал? – улыбнувшись только левым углом губ и посмотрев Валере в глаза, спросил Вадим.

– Нет, – очень спокойно ответил Валера, – он просто с утра пиво не пил, не был разговорчив, ушёл в тренажёрный зал почти сразу, а потом плавал долго в бассейне. Переживал, уж поверьте... С Митей был добрым весь день. Говорил с ним... Переживал.

Точно.

Вадим ничего не ответил. Молчал.

– Он вас, Вадим Сергеевич, очень ценит и уважает... – продолжил Валера через паузу.

– Спасибо, Валера, – перестав улыбаться, прервал Валеру Вадим, – но это действительно не твоё дело. Ещё сока?

– Извините, – ответил Валера спокойнее обычного. – Не нужно, спасибо!

Больше они не разговаривали. Стояли рядом и смотрели на детей. А те присели за стол и стали, взрываясь смехом, рассматривать на экране фотоаппарата только что отснятое. Митя присел было с ними, но почти сразу встал и пошёл к Вадиму.

– Дядя Вадик, спасибо, что пригласили! – сказал он, подойдя и улыбаясь. – Я бы сам не вспомнил, отец тоже. Подарок – это его идея... К сожалению, сам он никак не смог...

– А собирался? – спросил Вадим и прищурился, улыбаясь.

– Не знаю... Наверное, – растерялся Митя. – Он просто сказал, что вы пригласили... Но он не может... Послал за подарком и велел мне поехать поздравить Катю... и вас.

– От себя что-то передал? – продолжая щуриться, спросил Вадим.

– Так подарок же! – усмехнулся Митя.

– А на словах?

– На словах?... – Митя развёл руками. – Поздравления.

– И хорошо! Спасибо ему огромное передай. Скажи, что Катя была счастлива подарку. Он угадал, как всегда. Сделал лучший подарок.

– Спасибо! Обязательно передам...

– Может быть, вина? Чаю? Кофе? – спросил Вадим Митю, плавным жестом указывая на стол. – Торт?... Или чего-то более взрослого? Виски?..

– Нет-нет! Спасибо! Мы поедem... – стал отказываться Митя. – Миссия выполнена, так сказать.

– Не совсем, – сказал, улыбаясь, Вадим, наклонил голову и прищурил один глаз. – Надо всё-таки чокнуться за Катеньку. Пятнадцать лет. Человек прощается с детством вслед за тобой. Один тост.

– Не-е-е! Дядя Вадик! Нет... Я же совсем не выпиваю...

– А вина? – Вадим наклонил голову в другую сторону и прищурил другой глаз.

– Нет-нет...

– А холодного? А со мной?

– Дядя Вадим!.. Говорю же!..

– Вадим Сергеевич!.. – сказал Валера убедительно.

– Хорошо!.. – сказал Вадим и поднял руки, сдаваясь. – Но чаю ты со мной выпьешь. Митя! Представляешь, Кате, Катеньке – пятнадцать лет.

Чаю?

– Кофе, дядя Вадь! Эспresso, – согласился Митя.

– Сейчас будет, – сказал Вадим, отдал распоряжения и снова обратился к Мите: – Присядем? А то весь день на ногах. Весело, но хлопотно... Валера, пожалуйста... Мы с Дмитрием посидим вдвоём... Может быть, ещё сока?

Валера отошёл на несколько шагов, присел за свободный столик и уставился куда-то, оставив Вадима и Митю в поле бокового зрения. А те тоже присели за столик. Музыка звучала громко, но разговору особо не мешала.

– Митя, – начал Вадим радостно, – я был так удивлён, так не ожидал тебя позавчера увидеть, что и не задал кучу вопросов. Ты давно вернулся-то?

– Две недели уже, – ответил Митя, теребя салфетку, которую взял со стола. Пальцы его были тонки и нервны.

– Полмесяца здесь, и даже не заглянул, – приподняв брови сказал Вадим. – Мог успеть заскочить в клуб. Все были бы

рады... Ребята помнят. Они новую вокалистку взяли. Супер просто! Зажигает!

Послушал бы.

– Я обязательно зайду, обязательно. Сам хочу, – ответил Митя, улыбаясь, но как-то скорее вежливо, чем искренне. – Спасибо, – сказал он, принимая чашку кофе у официанта. – Знаете, дядя Вадим, я так устал за весну. Столько материала давали... Там же система не такая, как у нас. В общем, закончил курс не блестяще. Сам собой не доволен, отец тоже. Вот приехал, сижу, читаю. Отдыха пока не заработал. Не заслужил. – На этих словах Митя подался вперёд, поднёс чашку к губам, сделал маленький глоток кофе и вдруг быстро и резко обвёл почти всё кафе тревожным взглядом.

Вадиму принесли вина, и он отпил из бокала. Он уже не сомневался в том, что Митя принимает наркотики. Вот только по симптомам не мог понять, что именно тот принимает, как давно и насколько это серьёзно. Но то, что серьёзно, было ясно.

– Что ж ты, на всё лето домой? – спросил Вадим. – Скоро город совсем опустеет. Жара да пыль. Даже читать будет тоскливо. Первые студенческие каникулы надо провести каким-то запоминающимся образом. Неужели так и просидишь взаперти за книжками?

– За компьютером, – усмехнулся Митя.

– Ну конечно, – в ответ усмехнулся Вадим.

– Я бы в Лондон вернулся, – грустно улыбнувшись, ска-

зал Митя, – там летом чудесно. Или в Питер бы поехал. Туда столько друзей уехали учиться. Зовут. Они домой нынче даже не приехали... В Норвегии, говорят, летом супер. Все, кто были, в один голос твердят: очень хорошо, красиво, интересно, и летом туда много народу хорошего приезжает.

– Ну так давай! Что мешает? – изобразив наивное недоумение, спросил Вадим.

– Что мешает? – горько усмехнулся Митя. – Дядя Вадим, вы серьёзно? Вы видели, как отец со мной разговаривает? Я не то что разговор завести, я заикнуться об этом не могу. – Митя наклонился вперёд, упёрся острыми локтями в острые колени, а салфетку скомкал и зажал в кулаке. – Он собирается скоро куда-то к морю, – сказал Митя, глядя в пол. – Боюсь, меня с собой потащит, одного не оставит... Маме всё равно, что здесь сидеть, что к морю, что в горы... А мне легче повеситься, чем с отцовскими этими...

– Митя, – перебил его Вадим, – Митя!.. Давай ты этого не говорил, а я этого не слышал. Идёт?

– Извините, дядя Вадим! – сказал Митя, резко выпрямился на стуле и залпом допил кофе. – Я просто устал. Вы же отца знаете, он, если за что-то...

– Знаю, Митенька, – снова перебил его Вадим, – ох, знаю! Он мой друг. Старинный друг. Твой отец прекрасный товарищ, талантливый и выдающийся человек. Как отец он, возможно, суров, но в мудрости его я не сомневаюсь... – Вадим глотнул из бокала. – Ты лучше скажи, мне ужасно интересно:

тебе нравится учиться, нравится то, что ты изучаешь? Это твоё? Ты пойми, вот Кате сегодня пятнадцать. Каких-то ещё два года, три... И надо будет решать, на кого ей учиться. А она пока вообще об этом не думала. И не думает. Очень не хочу за неё принимать решение...

– Дядя Вадим, – вдруг пересев на самый край стула и наклонившись как можно ближе к Вадиму, сказал Митя громким шёпотом, – выручите меня, бога ради. Обратиться просто не к кому, и возможности нет... Я с отцом сейчас в очень тяжёлых отношениях. Невыносимо тяжёлых. – Митя говорил быстро, страстно и даже лёгкий румянец почудился Вадиму на его бледных щеках. – Но это, конечно, наше с отцом дело... Но у меня крах... Он все мои банковские карты заблокировал, денег не даёт совсем... Совсем! Я даже за телефон заплатить не могу. Уже неделю без телефона. За интернет друг деньги внёс. Лондонский друг... Я же дома не заперт. Я просто из него выйти не могу. Куда я могу пойти без копейки? Дядя Вадим...

– Я понял, – сказал Вадим серьёзно и тихо. – Полагаю, у отца есть причины так поступать.

– Есть они или нет, – ответил Митя, сморщившись, – но это его причины. Я же вас прошу... Выручите меня. Не было бы так безумно нужно, как теперь, даже не подумал просить. Вы простите меня, дядя Вадим...

– Сколько?

– Фунтов двести... Ой, – усмехнулся Митя, – отвык...

Сколько сможете... Я отдам обязательно.

– Конечно, с первой зарплаты... – Вадим встал. – Посиди здесь, подожди, я сейчас.

Вадим направился к жене, которая за столом со своими родителями и родственниками что-то громко и весело говорила. Он знал, что у неё есть при себе наличные деньги, должны быть. Но пройдя пять-шесть шагов, Вадим резко остановился.

«Что ты делаешь, идиот? – подумал он. – Ты что, офонарел? Ты что удумал? Дать Мите денег?» – спросил он себя, стоя посреди зала. Он повернулся туда, откуда шёл, и посмотрел на Митю. Тот смотрел на него.

Вадим понял, что захотел и решил дать Мите денег из чувства противоречия и желания мести. Захотел уязвить Боря. Как-то отплатить ему и за горькую обиду, и за деспотизм, и даже за великодушный и, судя по всему, искренний шаг к примирению, за щедрый и действительно желанный подарок, сделанный дочери. За то, что Боря оказался тоньше и мудрее в этой ситуации, чем Вадим мог предположить.

Он постоял пару мгновений и решительно вернулся к столу. Митя встал навстречу.

– Вот что, Митя! – сказал Вадим твёрдо. – Я не могу дать того, что ты просишь... Не перебивай! Не могу не потому, что нету... А потому, что это противоречит воле твоего отца. Прошу, не обижайся.

Я тебя искренне люблю.

– Простите меня, дядя Вадя, – сокрушённо сказал Митя, – конечно! Я понимаю... Только отцу, пожалуйста, не говорите, что я у вас... Пожалуйста!

Я даже представить себе не могу, что будет!..

– А вот этого я тебе обещать не могу, прости! – сказал Вадим глядя Мите в глаза. Эти глаза стали совершенно затравленными и несчастными. – Спасибо за замечательный подарок и поздравление...

– Митя, – услышал Вадим голос жены, – ты что, уже уходишь? – Она кричала из-за своего стола. – Митя, мальчик мой, ты даже представить себе не можешь, как угадал с подарком. Она же мечтала о нём... давно!

– Митя, родной! Это правда-правда! – радостно и громко сказала Катя, подбегая.

Митю стали обнимать жена Вадима и Катя. Соня скакала рядом и кричала:

– Митя, запомни: у меня день рождения тоже седьмого, но сентября!

В это время к Вадиму подошёл Валера.

– Спасибо, Вадим Сергеевич, – серьёзно сказал он.

– Да за что же, бог с тобой? – пожимая протянутую Валерой руку, спросил Вадим.

– За приглашение... И вообще.

– Да не за что, Валера! – улыбнувшись, сказал Вадим, чуть сильнее сдвинул и отпустил Валерину руку.

С утра следующего дня, то есть в воскресенье, Вадим только и делал, что обдумывал произошедшее накануне. Он наблюдал за тем, как Катя радуется фотоаппарату, всё фотографирует и поминутно подбегает то к нему, то к жене, чтобы показать получившиеся снимки. А Соня, взбудораженная, не отстаёт от сестры и канючит, чтобы ей дали пофотографировать самой. Вадим смотрел на это и думал о Мите, о его просьбе, а точнее, о его мольбе и своём отказе.

О Боре думал.

Вадим пытался себя убедить в том, что ничего особенного не произошло, что переживать не о чем, сами разберутся. Но не мог. Он так и видел Митю, который остался хорошим, умным, чувствительным и воспитанным мальчиком. Просто он стал несчастным и нездоровым человеком. Затравленным, загнанным в тупик, измученным и ужасающе одиноким. Вадим вспоминал и Борю, который очевидно страдал, видя, что происходит, что творится или что он сам сотворил со своим единственным и горячо любимым ребёнком. Вадим понимал и Борино чувство вины за содеянное, упущенное, и его гнев и бессилие, незнание, что делать с сыном, что нужно сыну для спасения, что необходимо исправить в Мите, в жизни, в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.